

Максим Викторович Пулькин

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в. (ПО КАРЕЛЬСКИМ МАТЕРИАЛАМ)¹

В статье рассмотрены основные особенности взаимодействия приходского духовенства и прихожан-карелов. Выявлено, что в процессе становления церковного образования в Олонецкой епархии все более актуальным и осуществимым становилось издание богословской литературы на языках обитателей края. В первой половине XIX в. указанный процесс стимулировался борьбой против старообрядческого влияния. Ко второй половине XIX в. более значимым стало противостояние лютеранской пропаганде. В сравнительно-историческом плане широко привлекаются сведения об аналогичных процессах в соседних епархиях и в целом по Российской империи.

Ключевые слова: прихожане, церковь, карелы, духовенство, Священное Писание, переводы, старообрядчество, лютеранство.

Распространение православия являлось значимым фактором национальной политики, осуществлявшейся в императорской России. Известно, что «религиозные скрепы являлись основой единства обширной многонациональной Российской империи, важным фактором ее стабильной жизнедеятельности». Они позволяли «интегрировать в состав империи новые этнические группы, включить их в рамки имперской системы государственного управления, оградить интересы господствующей русской нации и противостоять тенденции к расширению влияния наций и народностей „подчиненных“» [Сафонов 2011: 740]. Православный приход как наиболее массовая форма организации религиозной жизни сыграл здесь наиболее существенную роль. Совместная деятельность духовенства и мирян позволила внедрить ценности христианства в повседневную жизнь обитателей империи. *Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить основные пути и методы превращения деятельности православного прихода в фактор национальной политики.*

¹ Исследование велось по госзаданию КарНЦ РАН (AAA-A18-118030190093-9).

К началу изучаемого периода распространение православия на территории Европейского Севера имело длительную историю. Российская политика в религиозной сфере формировалась на протяжении веков, находя выражение в конкретных фактах единовременного крещения, а затем постепенного приобщения разных народов к ценностям и институтам православия. Крещение карелов произошло в 1227 г. Легендарное историческое событие, ставшее вероятной отправной точкой распространения церковных институтов, не сразу оказало заметное влияние на повседневную жизнь населения северной окраины Новгородской республики. Население многие столетия сохраняло заметные языческие переживания. Общая для всей России закономерность распространения христианства первоначально связана с длительным трудом множества подвижников-миссионеров, преимущественно монахов, которые несли духовные ценности православия некрещеным народам. Европейский Север не стал исключением. Здесь первые успехи в становлении православия связаны с деятельностью ряда подвижников, о которых сохранились крайне скудные сведения.

В XVIII – начале XX в. языковой барьер оставался одним из существенных препятствий на пути распространения православия. Он разделял, с одной стороны, духовенство, а с другой – значительную часть населения. Для духовенства проблема оставалась наиболее актуальной. В отличие от чиновников, приходской священник обязан постоянно контактировать со своими прихожанами, а не только с верхушкой крестьянского мира. С такой задачей справлялись далеко не все клирики. Их неудачи накладывали заметный негативный отпечаток на приходскую жизнь на Европейском Севере России, способствуя поддержанию многочисленных дохристианских переживаний. Влияние духовенства распространялось окольными путями: через контакты «инородцев» с русским населением: «Православие, перенятое карелами у русских, внесло собою в жизнь карела обряды и обычаи русского народа» [Крохин 1908: 2].

Длительное сохранение традиционной обрядности и с конца XVII в. – стремительное распространение влияния старообрядчества не в последнюю очередь связано с климатическими факторами, обусловившими низкую плотность населения и огромные размеры приходов. Почти повсеместно на Европейском Севере России духовенство лишалось возможности контактировать с паствой на протяжении длительных периодов весеннего бездорожья, осенних бурь и зимних морозов. Местный суровый климат приводил к формированию такого своеобразного явления в религиозной жизни, как «стихийная беспоповская практика» (Н. Н. Покровский).

т. е. регулярное исполнение религиозных обрядов мирянами без участия приходского духовенства. Установившиеся в карельских деревнях формы совершения таинств способствовали как существованию язычества, так и распространению старообрядческих (беспоповских) религиозных воззрений. Именно «стихийная беспоповская практика» стала, по сути дела, первым окном в мир православия для большинства карелов. Существенное влияние оказали старообрядцы и на культуру коми. Значительная их часть превратилась в староверов, что способствовало «упорному сохранению традиций в их образе жизни» [Лалдукка 1997: 54].

Итак, в «инородческих» культурах на Европейском Севере России сочтались поверхностно усвоенное православие, в значительной степени окрашенное старообрядческим воздействием, и, зачастую в преобладающей форме, дохристианские верования. Миссионерская деятельность православной церкви в XIX – начале XX в., направленная на постепенное привлечение «инородцев» к полноценной религиозной жизни, не приносила сколько-нибудь значительного успеха. В Архангельской губернии в 1820-е гг. православная миссия встретила препятствие со стороны русских и зырян. Они, «имея у себя в услужении оленьих пастухов – самоедов и опасаясь, что самоеды, приняв крещение, служить им не будут, старались удержать их от принятия христианства» [Шульгин 1985: 4]. В Олонецкой губернии, где массовое крещение местных жителей свершилось значительно раньше, ситуация оставалась не менее сложной, но по другим причинам. Столетия церковной проповеди привели к неожиданным для господствующей церкви результатам. В церковной публицистике отмечалось: «карел шаток в православии, но крепок в расколе» [Ручьев 1911: 29]. Впрочем, и влияние старообрядчества оставалось поверхностным. Карелы считали, что старообрядческое вероучение заключается преимущественно в том, чтобы «не есть с мирскими (православными) и не молиться вместе». О других аспектах «они не имеют ни малейшего понятия, в особенности в тех обществах, где не знают русского языка» [Чубинский 1866: 110]. В отчете архиерея о прихожанах Олонецкой епархии сохранилось следующее свидетельство: «<...> в церкви по отдаленности бывают редко, а особенно где и язык употребляют корельский, знание истин веры недостаточно» [Сведения о состоянии-2: 31].

Помимо старообрядчества, важным фактором в жизни карельской деревни являлись существенные остатки язычества, прекрасно адаптировавшегося за ряд столетий формального господства православия к приходским порядкам. Священники в своей массе оставались наблюдателями, а в некоторых случаях, желая угодить прихожанам,

и участниками обрядов, решительно осуждаемых церковью [Сурхаско 1977: 126–131]. Их познания об обрядности, существующей в карельских деревнях, обобщены в значительном числе публикаций в местной, преимущественно епархиальной периодике. До настоящего времени газетные публикации являются незаменимым источником сведений об особенностях так называемого бытового православия в Карелии. Служителям церкви предстояла длительная работа, направленная на утверждение своего влияния среди носителей культуры, для которой христианство оставалось лишь одной из форм повседневной религиозной жизни. Первым шагом должно было стать преодоление отчуждения между священником и мирянами. Существенным условием являлось освоение священнослужителями карельского языка. Взаимодействие с чужой культурой в идеале достигается путем освоения ее «изнутри». В реальности осваивались только те компоненты культуры (прежде всего, язык), которые необходимы для установления контактов, имевших целью обратное: «перекрытие этнических самоопределителей различных уровней общим с русским религиозным самосознанием» [Бернштам 1980: 134].

Возникает вопрос о том, насколько были актуальны, в какой мере осознавались самим духовенством и церковными властями насущные проблемы этнической составляющей религиозной жизни. Материалы делопроизводства крайне редко упоминают о священнослужителях, владеющих языком местного населения. Повсеместно на Европейском Севере России немногие знающие тот или иной «иностранческий» язык клирики оказывались не в состоянии реализовать свои познания, поскольку не имели необходимой богослужебной литературы. Документы XVIII в. создают картину полного незнания клириками языка значительной части местного населения и равнодушия духовных властей. Сходная ситуация наблюдалась и в других местностях Российской империи. Обобщая свои наблюдения, известный этнограф Д. Зеленин писал: «Русская иностранческая миссия в XVIII и начале XIX века носила странный характер. Чиновничий и полицейский аппарат и давление, а также льготы новообращенным были, в сущности, единственными мерами к христианскому просвещению иностранцев. Самая цель миссии понималась чересчур узко: раз обряд крещения был совершен, дело миссии считалось законченным» [Зеленин 1902: 5].

На Европейском Севере России факт строительства множества приходских церквей и наличия в них духовенства давал властям возможность почитать на лаврах. Церковное руководство ссылалось на благоприятную, но не всегда правдивую статистику и не особенно задумывалось об организации более эффективной пастырской деятельности. Не случайно

в делопроизводстве Олонецкой консистории сохранились лишь единичные свидетельства о конфликтах между духовенством и паствой, связанных с языковым барьером. В 1779 г. крестьяне Видлицкой волости доносили епископу о «непорядках» в деятельности священника: «кто из нас, нижайших, просит на наш карельской язык перевести от Священного Писания и наставлять нас Закона Божия, того прикажет из церкви пономарю выгнать» [Дело по жалобе: 15]. Иногда исключительно знание священниками карельского языка позволяло предотвратить трагедию, которую тщательно и со знанием дела готовили старообрядческие наставники. В марте 1784 г. Синод узнал из донесения епископа Олонецкого и Каргопольского Антония о собравшемся для самосожжения в деревне Фофановской Ребольского прихода «раскольническом скопище». Зловещие признаки «собрания» однозначно указывали: готовится самосожжение. Для их «увещевания» консистория распорядилась разыскать знающего карельский язык священника. Но во всем уезде не нашлось ни одного иерея, свободно говорящего на необходимом для повседневной богослужебной практики языке. Пришлось взять священника из петрозаводского Петропавловского собора. Протопопа Григория Федотова избрали «яко к тому способного, Священное Писание и карельский язык довольно знающего». Но до его прибытия, как видно из того же документа, «объявленное скопище погубило себя» [Дело о самосожжении: 16].

Первые упоминания в материалах делопроизводства консистории о попытках перевода религиозных текстов на карельский язык относятся к 1773 г., когда к Новгородскому митрополиту прибыл кандидат на священническое место из Лопских погостов Повенецкого уезда. От будущего священника митрополит узнал, что «прихожане его (кандидата во священники. – *М. П.*) вовсе не понимают российского языка». Митрополит распорядился «заставить его перевести на олонецкий язык Символ православной веры, молитву Господню, Отче наш и краткое нравоучение христианское». Затем он созвал некоторых олонецких купцов, торгующих в Петербурге, «заставлял их читать перевод и требовал мнения, соответствовал ли он тому благу намерению». Ставленник отправился домой, имея в своем распоряжении перевод «через хорошо знающих оба языка людей» [Письмо от неизвестного 1894: 129]. Несчастный священник мечтал о возвращении в родной приход и не подозревал, что принимает участие в одном из важнейших событий в истории карельского языка. Аналогичную деятельность в Коми крае развернул другой архиерей, вологодский архиепископ Евгений Болховитинов. За время своего пастырского служения в Вологде он написал работы

«О древностях зырянских», «О зырянском народе и зырянских монастырях», «Замечания о зырянах и их просвещении». Болховитинов пытался найти следы начинаний Стефана Пермского, но безуспешно: «по точнейшему разысканию до ныне во всех зырянских церквах не отыскалось ни одной зырянской книги» [История Коми 2004: 527]. Досадное впечатление на него произвела местная паства, общение с которой сильно затруднял языковой барьер. Евгений отмечал в одном из писем, что «проехал всю Зырянскую землю, в которой и по-русски, кроме попов, мало кто знает» [Зырянов 1999: 527].

Спонтанные действия новгородского митрополита стали первым этапом в изучении и использовании карельского языка в повседневной богослужебной практике, чему в значительной степени способствовали потребности религиозной жизни и в особенности – борьба против старообрядческого влияния. В XIX в. мы имеем дело со статистикой, указывающей на массовое приобщение карелов к старообрядческому вероучению [Чернякова 2003: 102–105]. Связь между незнанием русского языка и влиянием «раскольников» на повседневную жизнь карелов осознавалась современниками. Первый Олонецкий и Петрозаводский епископ Игнатий в 1820–1830-х гг. называл карельский язык «особенным языком раскола». «Если в Корелии, – писал архиерей, – оставлять впредь употребление языка карельского, то <...> карелы оставались бы навсегда несклонными к церкви и святым книгам, где слышат они все не свое, без понятия и пользы» [Указ-4: 26]. Выход виделся в парадоксальном сочетании мер: приучении священников к карельскому языку и постепенному его искоренению при содействии светской власти. Представители последней, решая церковные дела, высказывались в том же духе. Сенатор Д. О. Баранов, посетивший Олонецкую епархию в 1828 г., отмечал в своем всеподданнейшем докладе на имя императора, что одной из главных причин распространения влияния старообрядчества стало равнодушие карелов к «пастырским поучениям священников». Между тем раскольники, «чрез частое с ними общение по делам торговым ознакомясь с их языком и обычаями, подчинили их своему влиянию» [Всеподданнейший доклад: 6].

Примечательна разница в отношении священников, с одной стороны, и старообрядческих наставников – с другой, к проблеме карельского языка. Изучение карельского языка приверженцами «древлего благочестия» подчинялось практическим потребностям – «делам торговым». Лишь затем появилась новая форма использования знаний – богослужение. Нет сомнений и в том, что и та и другая противоборствующие стороны – священники и старообрядческие наставники – в значительной степени

испытывали проблемы, связанные с отсутствием литературы на карельском языке. Решение проблемы языкового барьера на данном этапе у противостоящих конфессий происходило по-разному. Старообрядцы осваивали карельский язык или знали его с детства. Представители «господствующей» церкви делали первые шаги в деле изучения «иностранческих» языков. На Европейском Севере проявилась знакомая по другим частям Российской империи ситуация: «никто и не думал о необходимости для священников знать местные иностранческие языки, или о желательности священников и учителей из среды самих иностранцев» [Зеленин 1902: 6].

Центральной духовной властью отсутствие необходимых для священнослужения книг было замечено в 1802 г. Святейший Синод распорядился перевести Катехизис и Символ веры, в числе прочих, на «олонецкий и карельский языки» [О переводе: 78]. В 1804 г. Синод издал «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» в виде двух небольших брошюр с параллельными текстами на карельском и церковно-славянском языках [Баранцев 1967: 92]. Вскоре 800 экземпляров брошюры оправили в Новгородскую епархию «для роздачи оных обитающим в Новгородской епархии обращенным в веру греческого исповедания олонцким народам для лучшего их вразумления и понятия о богопочитании и истинном познании святости христианской веры» [Справка: 2]. Духовная власть предполагала закрепить успех. Ее попытки подвергались критике в публицистике начала XX в.: «сам выбор книг для перевода был сделан неудачно. Чтобы заинтересовать крещеных иностранцев христианством, тронуть их сердце, следовало выбрать, во всяком случае, не катехизис, а что-нибудь другое. Такая форма, как катехизис, изложенный в вопросно-ответной форме, в виде сухо-догматических рассуждений, не могла заинтересовать младенствующего иностранца даже и в том случае, если бы она и была переведена правильно на живой иностранческий язык» [Прокопьев 1904: 13].

Возникшие трудности в приобщении «иностранцев» к православию и потребности в новых переводах ощущались повсеместно. В 1816 г. обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын обратил внимание Новгородского митрополита Амвросия на необходимость обучения священников карельскому языку. «Нельзя ли, – говорилось в письме обер-прокурора, – отыскать ключ к олонцкому языку, который якобы близок в выговоре к финскому, и преподавать его в семинарии по правилам грамматическим, дабы тем доставить для олонцев пастырей, могущих проповедовать слово Божие на собственном их языке» [Отношение 1894: 130]. В 1819 г. идея

распространения православия среди «инородцев» нашла нового сторонника. Голицын получил письмо от одного из будущих подвижников в деле просвещения «самоедов» – протоиерея Савинова. Повстречав ведущих кочевой образ «инородцев», он «ощутил в сердце своем непреодолимое желание оказать им помощь». Выяснение вопроса о том, как прежде осуществлялась миссионерская деятельность, привело к малообнадлежающему выводу. Архангельский епископ Парфений сообщил, что давно, в 1779 г., предпринимались попытки христианской проповеди среди них, но все они оказались безрезультатными [Мясникова 2001: 186].

В начале XIX в. деятельность ряда энтузиастов как из числа высших должностных лиц Российской империи (таких, как князь А. Н. Голицын), так и из среды белого духовенства изменила уклад религиозной жизни. Появились прецеденты, благодаря которым перевод Священного Писания на понятные для некрещеных «инородцев» языки народов России не казался кощунством и искажением слова Божьего. В декабре 1828 г. Синод распорядился учредить особых миссионеров для утверждения крещеных в православии и привлечения новых последователей из числа российских «инородцев». С конца 1830-х гг. епархиальные начальства стали открывать в своих учебных заведениях классы местных языков [Ястребов 1895: 31–32]. Для карельского языка новшества имели чрезвычайно большое значение. Ведь «национальные языки почти всегда являются наполовину <...> вполне искусственными образованиями». Обычно они формируются как «результат попыток построить единый образцовый язык из множества реально существующих в живой речи вариантов» [Хобсбаум 1998: 86]. Именно такую непростую работу начали священники-энтузиасты.

Ученик Новгородской духовной семинарии В. Сердцов представил Новгородскому и Санкт-Петербургскому митрополиту собственный перевод Евангелия на карельский язык. Митрополит, в свою очередь, передал текст князю А. Н. Голицыну, который сообщил о новом переводе Комитету Библейского общества [О переводах: 2], заинтересованному в публикации текста Библии на доступных для населения Империи языках. Деятельность воспитанника Новгородской семинарии началась во вполне благоприятный момент. В 1803 г. правление Вологодской семинарии в докладе епископу Феофилакту указывало «на необходимость введения в семинарии изучения коми языка, а также составления краткой грамматики» [Хайдуров 2010: 51]. В 1820 г. Российское Библейское общество издало Евангелие от Матфея в переводе на тверской диалект карельского языка [Макаров 1963]. В 1821 г. учитель Сольвычегодского духовного училища Александр Шергин перевел на «зырянский» язык

Евангелие от Матфея. Текст был опубликован в 1823 г. [О переводах 1915: 112]. Казалось, что и выполненному в Новгороде переводу гарантирован успех. Комитет, одобрив труд, счел, тем не менее, «за нужное» узнать: «довольны ли будут олонекские карелы таковым переводом на их наречие, также сколь велико число людей, говорящих оным, и много ли из них понимающих по-русски и знающих читать». Для ответа на все вопросы решили передать текст «духовным лицам» в Олонецкую епархию [О переводах: 2].

Петрозаводское духовное правление, получив текст, приказало местным священникам внимательно изучить его и вынести заключение о пригодности перевода для тех приходов, где карелы составляют значительную часть населения. Решение священников оказалось неблагоприятным. Подготовленный новгородским семинаристом текст Евангелия признали пригодным только для карелов шести приходов Олонецкого и Петрозаводского уездов. Можно сказать, что это блестящий результат. В России часто оказывалось, что «переводы совершались не на народные инородческие языки, а на какую-то тарабарскую смесь языков» [Зеленин 1902: 7]. Но в Олонецкой епархии текст Евангелия в переводе Сердцова назвали неудачным. Священники заявили, что на территории Петрозаводского уезда проживают такие карелы, у которых «язык корельский есть вовсе испорченный и неправильный, а иные хотя и понимают, но в другом смысле». Поскольку речь в данном случае шла об обитателях Шелтозерского, Шокшенского и Рыборецкого приходов, то можно с высокой долей уверенности говорить о том, что обладателями «испорченного карельского языка» были вепсы [О переводах: 17]. Далее в документе, подготовленном священниками, указывалось, что для приходов Повенецкого уезда перевод также не может быть полезен. Значительную часть населения здесь составляют «называемые лопляне», и «есть их язык также неправильный и испорченный». В итоге дело заглохло [О переводах: 17].

В то же время местное духовенство, в своем большинстве, не стремилось изучать язык местных жителей. Одним из редких исключений стала деятельность священника Горского прихода Петра Ивановича Гусева. Во время пастырского служения в своем приходе (приблизительно с 1813 по 1833 г.) он перевел Евангелие от Матфея на «олонецкий» диалект карельского языка. Уникальный случай приобрел широкую известность [Пашков 2000: 27]. В других епархиях Европейского Севера имелись свои энтузиасты перевода священных книг. В первой половине XIX в. протоиерей Усть-Сысольского собора Бонифатий Кокшаров перевел несколько текстов из книг Ветхого Завета, а священник того же собора

Мисаил Георгиевский – «Начатки христианского учения». Священник Усть-Сысольского уезда Василий Куратов подготовил перевод Книги Деяний Апостольских, учитель Яренского духовного училища Евгений Афанасьевский перевел Евангелие от Марка. К середине XIX в. священники начали обращаться к духовным властям с просьбой ввести там, где необходимо, богослужение на коми языке. В 1846 г. священник Яренского собора Симеон Богословский обратился к вологодскому архиерею с письмом следующего содержания: «Они (коми) глухи к голосу говорящего в церкви. Незнание очень многими из них русского языка не позволяет им понимать божественные службы. <...> Воскресить мертвые их чувства, по моему мнению, можно следующим образом: говорить священникам-зырянам в каждый воскресный и праздничный день поучения по-зырянски» [Гагарин 1978: 143]. Переводческая деятельность продолжилась. Усть-сысольский церковнослужитель П. В. Распутин перевел несколько песнопений на коми-зырянский язык [Плосков 2000: 110]. В доношении епископу Вологодскому и Устюжскому, датированном 1851 г., он писал: «Питая любовь и уважение природному моему зырянскому языку, я решился воспеть Богодухновенные псалмы Царя и Пророка на зырянском родном мне наречии» [Плосков 1999: 173].

Местные духовные власти догадывались, что такого рода работа ведется по собственной инициативе некоторыми приходскими священниками. Духовное начальство никак, особенно на первых порах, не содействовало им, но пытались воспользоваться плодами труда. В 1830 г. Олонецкая духовная консистория разослала во все подведомственные ей приходы распоряжение прислать сделанные священниками «из образованных» переводы Священного Писания и молитв на карельский язык. Предполагалось использовать полученные тексты для подготовки семинаристов. Из Вытегорского духовного правления пришел ответ о том, что священник Девятинского прихода Алексей Плотников сделал перевод катехизиса на «олонецкий язык» [Дело по указу: 4]. Остальные клирики оказались заведомо неспособными к переводческой деятельности. Судя по рапорту епископа Олонецкого и Петрозаводского Игнатия, отправленному в Синод в 1836 г., число так называемых «корельских» приходов в Олонецкой епархии составило 68. Из числа «состоящих в корельских приходах священников знают язык корельский 60, а остальные не знают или очень мало знают». На места не знающих языка Игнатий намеревался, по распоряжению Синода, определить «других способнейших и благонадежнейших священников со знанием языка корельского» [О священниках: 37]. Возможно, указанные меры связаны с обсуждением проблем

борьбы с «расколом» в Олонецкой епархии. В их числе подготовку священников, знающих карельский язык, признали одной из главнейших [О мерах 1858: 209].

В 1829 г. при Олонецкой духовной семинарии появился класс карельского языка, «употребляемого местными жителями края» (речь шла о ливвиковском диалекте) [Любецкий 1879: 30]. Длительное существование карельского класса стало заметным стимулом в изучении местного «наречия». Для этих занятий преподаватель Петрозаводского духовного училища П. Шуйский подготовил хрестоматию на карельском языке. Предложенные Шуйским тексты, судя по указу Синода, рекомендовались для всех духовно-учебных заведений, где преподается карельский язык, если «прежде отпечатания рукописи русский алфавит будет точнее приспособлен к выражению звуков карельского языка». Но ко времени одобрения рукописи П. Шуйский скончался. Чтение курса прекратилось в 1872 г. [Указ-3: 17]. Благодаря его трудам впервые возник вопрос о том, что для текстов на карельском языке необходим особый алфавит, отличающийся от русского. Вопрос возник и рассматривался по инициативе центрального органа власти – Святейшего правительствующего Синода. Местное духовенство не проявляло сколько-нибудь заметных усилий для решения животрепещущего вопроса религиозной жизни. Исключения здесь редки, а упоминания о них носят случайный характер. В начале XX в. в земской печати появилась статья И. Фаворитского, который утверждал, что в середине XIX в. в Реболах «только и было знающих русский язык, что священник и дьячок». Но и они «наверно прекрасно не умели объясняться с населением по-карельски, если не были и сами природные карели» [Фаворитский 1915: 17].

Одновременно с трудами П. Шуйского аналогичные задачи поставил перед собой Комитет грамотности, состоящий при Императорском вольном экономическом обществе. В 1862 г., по указанию новгородского протоиерея Гиляровского, Комитет «озаботился составлением карельской азбуки русскими буквами с целью со временем составить и другие учебники для корелов». Для того чтобы учебник соответствовал диалектам карельского языка, Комитет обратился к новгородским и белозерским священникам, а также к преподавателю Олонецкой духовной семинарии с просьбой прислать перевод «на карельское наречие Символа веры, заповедей и некоторых молитв». В Олонецкой епархии переводами текстов Писания на карельский язык был известен священник Григорий Модестов. Обращаясь к нему, Комитет грамотности просил соблюдать следующие условия. Во-первых, «писать русскими буквами и совершенно

согласно с местным наречием карелов», не искажая звуков карельского языка. «А как исполнение сего им, как русским, довольно трудно, то чтобы они просили об этом кого-нибудь из природных карелов». Во-вторых, как можно больше внимания обращать на слова, «кои в составе своем имеют двугласные буквы (дифтонги. – *М. П.*), составляющиеся вследствие того, что две гласные следуют одна за другой». В тех случаях, когда употребляется такой звук, «который не выражается ясно русскими буквами, употреблять латинские буквы или ссылаться на оные» [Дело по сообщению: 2–4].

Требования Комитета предвосхищали систему Н. И. Ильминского [Афанасьев 1914: 1–31], одобренную Советом Министров в 1870 г., но отличались позволением использовать латинскую графику. В дальнейшем использование латинской графики в книгах на карельском языке стало недопустимым. За основу для «создания алфавитов для инородческих языков» в России приняли «русскую графическую систему» [Лаллукка 1997: 198]. В XX в. указанная проблема возникала неоднократно и связывалась отнюдь не только с Европейским Севером России. В первой половине XIX в. среди татарского населения России особой популярностью пользовался арабский шрифт. Казанские поборники «интересов русской государственности» настаивали на использовании русского шрифта «в целях приобщения инородцев в духовно-культурном отношении к великой русской семье» [Прокопьев 1904: 40]. Издание текстов (молитв и проповедей) на карельском языке, судя по публикациям в «Олонецких епархиальных ведомостях», продолжалось [Руководство 1907: 541–542]. Существенным новшеством стало издание в 1882 г. брошюры под названием «Начало христианского учения на карельском и русском языках», подготовленной А. Логиновским. В тексте брошюры отразились «языковые особенности ливвиковских говоров, в частности, говора сямозерских карел» [Баранцев 1967: 93].

Итоги предпринятых для распространения православия мер противоречивы и парадоксальны. С одной стороны, в 1870-е гг. использование «инородческих языков» в богослужении вышло на первый план, стало почти обязательным по всей России: высочайшее одобрение получила концепция Н. И. Ильминского, который горячо призывал пастырей осваивать языки местного населения. Он писал: «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся инородцами на языке родном, нежели на русском, хотя бы последний был для них знаком в некоторой степени. Это потому, что родной язык непосредственно говорит и уму, и сердцу». Далее следовали указания

на то, что усвоение русского языка во время богослужения станет важным стимулом в приобщении к русской культуре: «Как скоро в инородцах утвердились посредством русского языка христианские понятия и правила, они охотно и с успехом занимаются и русским языком и ищут русского образования» [Знаменский 1892: 204].

С другой стороны, результаты переводческой деятельности первой половины XIX в. оказались незначительными как по России в целом, так и на Европейском Севере. «Переводы, написанные таким неправильным и непонятным языком, конечно, не могли оказать большого влияния на инородческое население». Доказательством служит тот факт, что хотя переводы «изданы в тысячах экземпляров и в свое время бесплатно разошлись в инородческие приходы, однако теперь очень трудно встретить их среди инородцев» [Прокопьев 1904: 19]. Лишь в конце XIX в. переводы Писания на карельский язык стали более успешным делом. Причины заключались как в опыте переводческой деятельности, так и в появлении новой угрозы влиянию православия – финских проповедников. Конкуренция между «господствующей церковью» и старообрядцами сохранялась и оставалась стимулом для гибкой национальной политики. Власти обратили внимание на энтузиастов-переводчиков Писания и оказали им поддержку. В Петербурге на русском и карельском языках издали «Карельско-русский молитвенник для православных карелов», составленный Е. И. Тихановым, и «Начала христианского учения» А. Логиновского (1882 г.). Первое издание высоко оценивают современные исследователи: «В настоящее время молитвенник Тиханова считается лучшим по орфографии печатным изданием на одном из ливвиковских диалектов карельского языка, а именно на самозерском говоре» [Прибалтийско-финские 2003: 195].

Проблема языкового барьера между пастырями и мирянами сохранялась к середине XIX в. даже в относительно крупных городах, обладающих старыми традициями религиозной жизни. В «Сведениях о состоянии Олонецкого Николаевского собора» отмечалось, что прихожане-карелы, не знающие русского языка, еще недостаточно знакомы с истинами веры и заповедями. Многие из них не знают «никаких молитв, кроме краткой молитвы Иисусовой, ибо, по незнанию русского языка, они не могут не только понять, но и учить их» [Сведения о состоянии-1: 4]. В сельских приходах Олонецкой епархии ситуация была еще сложнее. Один из олонецких благочинных, высоко оценивая моральные качества местных карелов, отмечал в то же время изъяны в их поведении: «Но при всем нравственном состоянии карелов, отличающихся от русских православных своим особенным языком, патриархальными нравами и обычаями

в образе жизни, мало заметно в них особенного усердия к церкви и к исполнению христианского долга посредством очищения своей совести через исповедь и святое причащение» [Отчет благочинного: 46]. Языковые проблемы существенно дополняли непростую ситуацию. После всех многочисленных попыток перевода богослужебных книг на карельский язык духовенство и в 1893 г. продолжало ссылаться на полное отсутствие необходимых изданий. Благочинный приходов с преимущественно карельским населением (Паданского, Селецкого, Масельскопаданского, Янгозерского, Гимольского, Ребольского, Кимасозерского, Ругозерского, Семчезерского, Валазминского) утверждал в своем отчете, адресованном епископу, что в его округе священники испытывают трудности в «просвещении корелов». Причины благочинный видел, во-первых, в отсутствии руководств и книг на карельском языке, во-вторых, – «в скудости языка корельского, на котором трудно говорить о вере», и, наконец, в-третьих, – «в невладении этим языком многими из священников» [Сведения по указанию: 219].

Выход из создавшегося положения духовные власти видели в «понужении» священников к изучению «инородческих» языков. Прецедент был создан в 1862 г. В консисторию обратился священник из Немжинского погоста. После прибытия на место службы он узнал, как видно из доношения, что прихожане «русского языка не знают <...> так что ни я (священник. – М. П.) с прихожанами, ни они со мною не можем объясняться». Священник просил перевести его в приход с преобладающим русским населением. Консистория имела другой взгляд на языковую проблему. Как видно из указа, священника, окончившего полный курс семинарии, она признала вполне способным быстро изучить карельский язык. Консистория распорядилась оставить его на старом месте службы [Указ 1: 1–2]. Ее решение стало скорее результатом эмоционального порыва, чем продуманных действий. В начале XX в. такая практика перестала быть редкостью. В ряде приходов духовенство адаптировалось к особенностям паствы. В своих отчетах благочинные констатировали, что в некоторых местностях священники освоили карельский язык и способны составлять проповеди, понятные населению. Такие священники стали редким исключением на фоне общего равнодушия. Как говорилось в одном из отчетов о духовенстве Петрозаводского уезда Олонецкой епархии, «Сямозерского прихода священник Иоанн Скворцов, природный карел, в часовнях произносил поучения своего письма иногда на карельском языке и прихожане его – карелы, слыша из уст своего пастыря слово Божие на родном своем языке, усваивают его поучение». В соседних

приходах сложилась противоположная ситуация: «Менее всех проповедуют в храмах Божьих священники Вохтозерского и Вешкельского приходов, как не знающие карельского языка и мало имеющие источников для проповеди» [Отчет благочинного-2: 44об.].

Декларативное единство в вопросе о карельском языке было достигнуто лишь в начале XX в. В 1907 г. священники Олонецкой епархии осознали необходимость изучения карельского языка. О перемене настроений свидетельствуют постановления миссионерского съезда духовенства, проходившего в Видлицах: «желательно было бы, чтобы в карельских местностях богослужение совершалось поочередно то на церковно-славянском (для русского населения), то на карельском языке. <...> желательно, чтобы богослужение для карелов совершалось непременно на карельском языке. Ведь богослужение на родном карельском языке будет возбуждать в карелах симпатию к богослужению и православному духовенству» [Видлицкий 1907: 445]. Съезд признавал «весьма важное значение» преподавания предметов «на понятном для детей языке» и одновременно обращал внимание на отсутствие литературы на карельском языке. На финском языке необходимые книги имелись, но делегаты съезда опасались, «что финский язык, в случае признания его обязательным предметом преподавания, не только получит одинаковое значение с русским, но и может явиться проводником панфинских идей» [От Олонецкой Духовной 1907: 563].

В начале XX в. ситуация радикально изменилась. Клирики Олонецкой и Архангельской епархий обязались освоить карельский язык в ближайшее время. Причиной столь решительного изменения их позиции стала мнимая угроза распространения среди карелов профинских настроений. Обвинения в адрес финнов представлялись современникам событий надуманными, преднамеренно раздутыми местными деятелями, преследующими собственные интересы. Посетивший Северную Карелию в 1915 г. М. И. Бубновский писал: «Из бесед с карелами и старожилами русскими в Ухте, Вокнаволоке, в Кондоке и других деревнях Карелии я вынес убеждение, что панфинское движение в Карелии в 1906–07 годах более чем раздуто» [Бубновский 1915: 21]. И все же призрак панфинской пропаганды сделал свое дело. Он радикально изменил приоритеты в религиозной жизни Карелии. Священники взялись за изучение карельского языка. Немаловажную роль здесь сыграло стремление повысить престиж православного духовенства в глазах местного населения, для которого Финляндия становилась все более привлекательным образцом для подражания. Представители духовенства Северной Карелии, как и их коллеги из Олонецкой епархии, считали необходимым совершать богослужение

на «понятном для народа языке». Они просили епископа «вменить в обязанность наличным священно- и церковнослужителям карельского края изучить местное наречие, самое большее, в течение 4-х лет» [К съезду 1907: 757].

Аналогичной точки зрения придерживались депутаты съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий, состоявшегося в селе Ухте 10–13 декабря 1906 г. В материалах съезда указывалось: «съезд признает безусловно необходимым совершать требы и богослужение на карельско-финском языке, вводя его постепенно и настолько, насколько оно вызывается действительными духовными нуждами пасомых». Богослужение предполагалось совершать на основе литературы, переведенной на финский язык по благословению Синода, «но с тем, чтобы совершители богослужения применялись к местным говорам» [Панфинская пропаганда 1907: 2]. Реализовать решение съезда оказалось непросто. В начале XX в. епархиальная печать продолжала констатировать, что священники прибегают к помощи переводчика «даже в пустышных делах» [Лютеранский поход 1906: 655]. Сходные решения принимались и на другой территории, населенной карелами, – в Выборгской епархии. Созданное здесь в начале XX в. отделение Карельского православного братства решительно потребовало от приходских священников скорейшего изучения карельского языка и использования его в пастырской и миссионерской деятельности [Витухновская 2006: 159–215]. В издаваемом братством журнале «Карельские известия» отмечалось: «Язык необходим пастору, как огонь повару» [Карельские известия 1915: 5]. Олонецкая епархиальная печать регулярно публиковала призывы изучать карельский язык и примеры благоприятных изменений в тех приходах, где священники смогли выучить язык местного населения. Особенно подчеркивалась роль епархиального начальства, которое, начиная с 1908 г., «заботится о том, чтобы в карельские приходы назначались священники, знающие карельское наречие, а чтоб не проскользнули в карельские приходы, в погонях за большим содержанием, люди, не знающие карельского языка под видом знающих» [А. П-ий 1914: 317].

Меры духовной власти, призванные подтолкнуть лингвистические штудии на территориях, населенных карелами, достигали успеха. С одной стороны, новым свершениям способствовали требования самих представителей коренных народов. Во время народных собраний 1905–1906 гг. в Ухте, Кестеньге и Вокнаволоке карелы составили обращение в адрес Государственной Думы о необходимости введения богослужения и преподавания на родном языке [Киркинен, Невалайнен, Сихво 1998: 201]. С другой стороны, существенным фактором, по мнению карелов,

могли бы стать дополнительные выплаты тем священникам и дьяконам, которые знали с детства или выучили карельский язык. Аналогичные процессы развернулись в других частях страны. Революция 1905 г. «разбудила национальное самосознание марийской интеллигенции». Прежде многие «стеснялись своей принадлежности к марийцам», но теперь «заговорили о марийской литературе, о марийских книгах и газетах» [Патрушев 1984: 38].

Из данных начала XX в. вырисовывается довольно благоприятная картина дальнейшего интенсивного развития «иностранческих» языков и их использования в богослужебном обиходе. Формировались грамматические правила, обогащался словарный запас. По сути дела «с нуля» создавалась национальная интеллигенция, повышался статус «иностранческих» языков. Ведь «степень использования в издательском деле является индикатором тех условий», которые язык имеет для своего функционирования как литературного языка [Лаллукка 1997: 216]. Судя по публикациям в периодической печати, процесс перевода отдельных фрагментов Евангелия продолжался благодаря усилиям отдельных энтузиастов-одиночек из числа священников, свободно владеющих «иностранческими» языками. В 1900 г. в Санкт-Петербурге издана книга А. В. Красова «Молитва за государя императора, читаемая на Божественной литургии, молебное пение и Книга Бытия на зырянском языке (с приложением краткой зырянской грамматики, зырянско-русского и русско-зырянского словаря и трех поучений на зырянском языке)» [Молитва 1900; см. также: Плосков 2000: 111]. В начале XX в. указанная тенденция продолжилась. В 1907 г. опубликовано Пасхальное Евангелие, переведенное «природным карельком», дьяконом Уножского прихода Стефаном Троицким. В том же году псаломщик Кондожского прихода Иван Никутьев «адаптировал к особенностям местного (карельского. – М. П.) говора Евангелие от Марка и некоторые поучения» [Троицкий 1907: 164]. С 1902 по 1917 г., находясь на должности миссионера, священник П. А. Преображенский переводил на карельский язык популярные молитвы и все четыре Евангелия. «Евангельские переводы и азбука, составленные им, были изданы архангельским миссионерским комитетом, который опубликовал также Священную историю для карелов» [Дубровская 2000: 91]. В 1917 г. для олонекских карелов печатались материалы на ливвиковском диалекте с использованием «модифицированного русского шрифта» [Анттикоски 2000: 167].

Аналогичные труды развернулись во многих епархиях России. Религиозная тематика оставалась преобладающей, но «в результате стремлений православного миссионерского движения к языковой стандартизации

в некотором количестве печаталась и светская литература, буквари, учебники и т. п.» [Лаллукка 1997: 198]. Так, созданная в Казанской епархии Переводческая комиссия организовала перевод богослужебных книг на 20 языков, а количество выпущенных ею изданий и переводов на «инородческие языки простиралось в 1899 г. до 1599 385 экземпляров» [Смирнов 1904: 50]. Сходная деятельность началась в Архангельской, Вятской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Уфимской епархиях [Лаллукка 1997: 53]. Не всегда переводы оказывались удачными. В 1910 г. в земской печати появилась статья крестьянина Антропова, который лично знакомился с одним из священных текстов на карельском языке. Крестьянин вспоминал: «Священник давал читать на карельском языке краткую священную историю. И тяжелее и непонятнее этого занятия ничего не было в школе. Тяжелее потому, что русские буквы не могут правильно обозначить произношения многих карельских слов... Непонятнее потому, что книги были переведены на олонечкое наречие, т. е. как говорят в Олонецком уезде» [Антропов 1910: 5].

Как видно из отчетов благочинных о духовенстве тех приходов, в которых значительную часть жителей составляли карелы, к 1910 г. ситуация была следующей: свободно владели карельским языком священники 13 приходов из 47, о которых говорилось в отчетах. Объяснение видели в том, что некоторые священники – «природные кореляки» и язык им известен с детства. Более сложным оставалось положение тех священнослужителей, которые в отчетах благочинных обозначены как «природные русские». Они, не владея свободно карельским языком, могли понимать карельскую речь, использовать карельский язык «при таинстве исповеди» и «поучать народ на местном наречии» (в 30 приходах из 47, о которых сохранились сведения). В оставшихся четырех приходах священнослужители вообще не знали карельского языка [Список священников 1910: 172–179]. Такое положение выглядело весьма успешным на фоне других территорий Европейского Севера. В 1913 г., отвечая на запрос Библейского общества, Архангельский преосвященный Парфений указывал: «Некоторые члены из имеющихся при лопарских церквях причта говорят по-лапландски, но недостаточно хорошо; прихожане же все говорят на родном лапландском языке» [Козмин 1916: 40].

В Олонецкой епархии ситуация оказалась более благоприятной по сравнению с соседними территориями. Здесь языковой подготовке духовенства уделялось большее внимание. Обращение к прихожанам «инородцам» на понятном для них языке стало своего рода правилом хорошего тона при посещениях приходов епархиальными архиереями и во время других значимых церковных событий. Так, во время церковного праздника в деревне Колатсельге Олонецкого уезда «часть бого-

служения была совершена на родном понятном для народа карельском языке». На клиросе пелись карельские молитвы и песнопения, «приковывая к себе внимание молящихся, доселе не слышавших ничего подобного» [Исаакий, иеродиакон 1909: 168–169]. Епископы стремились подать пример приходскому духовенству. Во время посещения Ювалакшского прихода Кемского уезда в 1914 г. епископ Сердобольский Киприан произносил возгласы на карельском языке. Его проповедь иеромонах Исаакий «прекрасно переводил на карельский язык». Просясь с карелами, владыка сказал им «*hyvästi*» [Бурмакин 1914: 34]. В 1916 г. при посещении села Ухты епископ произнес проповедь об исцелении слепого, которая «сказана им по-русски». Но «все ее содержание находящимся тут же отцом-миссионером тотчас же было передано народу на туземном карельском языке» [Попов 1916: 151].

Меры епархиальных архиереев позволяли устранить затянувшийся на несколько столетий абсурд во взаимоотношениях клириков и прихожан. Отчетливо проявившееся, особенно в первой половине XIX в., сопротивление приходского духовенства активному изучению «инородческих» языков обусловлено рядом значимых факторов. Во-первых, заметную роль сыграла «сакрализация слова и буквы Писания» [Мечковская 1998: 311–312]. Разнообразные местные диалекты не всегда соответствовали культовым целям. Владющему ими богослову трудно подобрать термины для передачи понятий из церковного обихода. Во-вторых, массовое обучение духовенства карельскому языку не удалось наладить. Епархиальное начальство в качестве приоритета своей деятельности рассматривало не этнические, а наиболее острые конфессиональные проблемы, т. е. борьбу с влиянием старообрядчества. Сюда и направлялись основные силы и средства. В-третьих, для священнослужителя, который часто переезжал с места на место, из одного прихода в другой, изучение карельского языка, бытующего в данной деревне, казалось бессмысленной задачей. На новом месте пастырского служения он поневоле начинал сначала.

В начале XX в. приходское духовенство волею судьбы, движимое в равной степени энтузиазмом отдельных его представителей и требованиями начальства, исполняло роль национальной интеллигенции, которая в то время еще не сформировалась. Священно- и церковнослужителям принадлежала существенная роль в первых попытках формирования литературных вариантов коми, карельского и прочих «инородческих» языков. Вытесняя «народную» форму православия и сопутствующее ей старообрядческое влияние, духовенство все же играло роль этностабилизирующего фактора, повышая престиж «инородческих» языков. В истории человечества

довольно часто именно перевод священных книг на народный язык закладывал основу литературного языка [Хобсбаум 1998: 99]. Миссионерская политика православной церкви приводила к формированию немногочисленной религиозной интеллигенции из числа «инородцев». Включившись в процесс распространения духовных ценностей православия, священники одновременно способствовали росту национального самосознания в «инородческой» среде.

Православное духовенство постоянно демонстрировало лояльность престолу. Оно не могло возглавить национальные движения, как произошло среди исламских народов России [Каппелер 2000: 104]. Благодаря его деятельности преодолевался несомненно существующий в сознании многих российских граждан «барьер „бытового“ статуса языков восточно-финских народов» [Калинин 2000: 88]. Так возникала уверенность в том, что их язык пригоден для любых задач, выражения самых сложных мыслей. Деятельность одних представителей духовенства вдохновляла других служителей церкви на создание новых трудов и стимулировала дальнейшее развитие лексики и создание грамматики карельского языка. Немного идеализируя представителей духовного сословия, С. Лаллукка утверждает, что «церковное просвещение проводилось без принуждения, с использованием понятных местных диалектов» [Лаллукка 1997: 55]. Совершенно очевидной представляется особая роль прихода и священнослужителей во взаимоотношениях русских и «инородцев» Европейского Севера России. Духовенство осуществляло собственный вариант русификации. Главная роль в нем отводилась не распространению русского языка в ущерб языкам местного населения, а внедрению ценностей православия в повседневную жизнь «инородцев».

Источники

Всепогоднейший доклад – Всепогоднейший доклад сенатора Д. О. Баранова // РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1664. Л. 6–8.

Дело о самосожжении – Дело о самосожжении старообрядцев в Ребольском приходе // РГИА. Ф. 796. Оп. 65. Д. 107. Л. 13–17.

Дело по жалобе – Дело по жалобе крестьян Видлицкого прихода // РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 203. Л. 15–17.

Дело по сообщению – Дело по сообщению Комитета грамотности, состоящего при Императорском вольном экономическом обществе // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 73/1566. Л. 2–4.

Дело по указу – Дело по указу консистории об отобрании от священно- и церковнослужителей рукописей переводов некоторых частей Священного Писания // НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 39/23. Л. 4–16.

О мерах 1858 – О мерах по ослаблению раскола в Олонецкой и Архангельской губерниях // Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 209–211.

О переводах – О переводах текстов Священного Писания на карельский язык // НА РК. Ф. 126. Оп. 3. Д. 1/3. Л. 2–5.

О переводе – О переводе текстов Катехизиса и св. Писания на инородческие языки // РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 4. Л. 78.

О священниках – О священниках, служащих в корельских приходах // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 37–45.

От Олонецкой Духовной 1907 – От Олонецкой Духовной Консистории // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 22. С. 563–564.

Отношение 1894 – Отношение обер-прокурора св. Синода, князя А. Н. Голицына, к Новгородскому митрополиту Амвросию, от 14 февраля 1916 года, о необходимости обучать священников-ставленников в Лопские погосты – карельскому языку // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 130–132.

Отчет благочинного – Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 46–49.

Отчет благочинного-2 – Отчет благочинного 1 округа Петрозаводского уезда за 1879 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25/1682. Л. 44об.–49.

Письмо от неизвестного 1894 – Письмо от неизвестного, из города Кинешмы, к обер-прокурору св. Синода, князю А. Н. Голицыну, – о необходимости перевести на Олонецкий язык катехизис и другие религиозно-нравственные книги // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 128–131.

Руководство 1907 – Руководство к карельскому языку // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 21. С. 541–542.

Сведения о состоянии-1 – Сведения о состоянии Олонецкого Николаевского собора по указанию предметов ежегодного донесения, какое должно быть представлено от епархиального архиерея Святейшему правительствующему Синоду // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 35/45. Л. 4–6.

Сведения о состоянии-2 – Сведения о состоянии Олонецкой епархии по указанию предметов ежегодного донесения епархиального преосвященного архиерея // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 66/1445. Л. 31–35.

Сведения по указанию – Сведения по указанию предметов, имеющих в составе ежегодного донесения епархиального архиерея о состоянии епархии в Святейший правительствующий Синод // НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1683. Л. 219–221.

Список священников 1910 – Список священников и дьяконов корельских приходов Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 172–179.

Справка – Справка, составленная в канцелярии Новгородской духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 25/54. Л. 2–6.

Указ-1 – Указ Олонецкой духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 12/525. Л. 1–2.

Указ-2 – Указ Олонецкой духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 37–39.

Указ-3 – Указ Синода «О составленной учителем Петрозаводского духовного училища Петром Шуйским карельской хрестоматии с карельско-русским словарем» // НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 15/736. Л. 17–18.

Указ-4 – Указ Олонецкой духовной консистории // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 26об.–29.

Литература

Анттикоски Э. Проблема карельского языка в деятельности карельского национального движения в Финляндии (1905–1945 гг.) // История и филология: проблемы образовательной и научной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. С. 166–171.

Антропов Ф. Нечто о карельском языке и народных чтениях в Кареле // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 24. С. 5–6.

А. П-ий. О желательности каждому священнику карельского прихода знать наречие своих прихожан-карел (Из наблюдений и опыта священника) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 14. С. 317.

Афанасьев П. О. Н. И. Ильминский и его система школьного просвещения инородцев Казанского края // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1914. Ч. 52, № 7. С. 1–31.

Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. М.: Наука, 1967. С. 92–101.

Бернштам Т. А. Христианизация в этнокультурных процессах финно-угорских народов Европейского Севера и Поволжья // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л.: Наука, 1980. С. 134–142.

Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 1. С. 21–29.

Бурмакин М. Из Ювалакшского прихода Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1914. № 2. С. 34–36.

Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 445–447.

Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 384 с.

Газарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 546 с.

Дубровская Е. Ю. Карелия начала XX в. глазами православного духовенства // Православие в Карелии: Материалы науч. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 91–95.

Зеленин Д. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев (К 10-летию со дня смерти Н. И. Ильминского 27 января 1901 года). СПб., 1902. 20 с.

Знаменский П. Н. На память о Н. И. Ильминском. Казань, 1892. 56 с.

Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Наука, 1999. 238 с.

Исаакий, иеродиакон. Памяти св. Иоанна Кронштадского в далекой Карелии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 7. С. 168–169.

История Коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. Т. 1. 640 с.

К съезду русских деятелей в г. Кемь Архангельской губернии // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 22. С. 757–758.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. 178 с.

Капеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.

Карельские известия. 1915. № 13. С. 5–6.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. 324 с.

Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей (Исторический очерк). Архангельск, 1916. 60 с.

Крохин В. П. История карел. СПб., 1908. С. 2.

Лалдукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. 438 с.

Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие (1829–1879 гг.) // Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1879. С. 30.

Лютеранский поход в Карелию // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 659–662.

Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. 1963. Вып. 39. С. 70–79.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Агентство ФАИР, 1998. 352 с.

Молитва за государя императора, читаемая на Божественной литургии, молебное пение и Книга Бытия на зырянском языке (с приложением краткой зырянской грамматики, зырянско-русского и русско-зырянского словаря и трех поучений на зырянском языке). СПб., 1900. 314 с.

Мясникова Л. Н. О секретной миссии в Зырянский край. Обращение в христианство самоедов-язычников // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 186.

О переводах Священного Писания // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т. 1. СПб., 1915. С. 112–114.

Панфинская пропаганда в Русской Карелии. СПб., 1907. 56 с.

Патрушев Г. С. Национально-русское двуязычие и его роль в развитии марийского языка // Дружба народов и интернациональное воспитание трудящихся. Йошкар-Ола, 1984. С. 38.

Паиков А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Т. 1. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. С. 27.

Плосков И. А. Из архивных материалов о Петре Распутине // В. И. Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. С. 173–181.

Плосков И. А. Христианская традиция и книжная культура коми (XIX – начало XX в.) // Христианский мир: религия, культура, этнос. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 109–111.

Потов А. Из села Ухты, Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 6. С. 151.

Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. 840 с.

Прокотьев К. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX в. (исторический очерк). Казань, 1904. 58 с.

Ручьев М. О расколе в Карелии // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 1. С. 29.

Сафонов А. А. Русское общество в вероисповедном срезе. Религиозная свобода как фактор социального согласия и толерантности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. С. 740.

Смирнов Е. К. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. СПб., 1904. 128 с.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977. 238 с.

Троицкий С. Пасхальное Евангелие на карельском языке // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 6. С. 164–165.

Фаворитский И. Ребольское училище, Повенецкого уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 17. С. 17–21.

Хайдуров М. В. Духовное сословие в Коми крае (1801–1869). Сыктывкар: Коми научный центр УРО РАН, 2010. 142 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 326 с.

Чернякова И. А. Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 102–105.

Чубинский П. Статистико-этнографический облик Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 110–116.

Шульгин В. Архимандрит Вениамин – просветитель мезенских самоедов. Архангельск, 1895. 45 с.

Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 31–39.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории, ИЯЛИ КарНЦ РАН.